

18+

**(Не) буди
во мне зверя**

АЛИСА БУЛАНОВА

ЭЛИС КАРМА

Элис Карма
Алиса Буланова
(Не) буди во мне зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69575623

SelfPub; 2023

Аннотация

Я жила жизнью обычной студентки до тех пор, пока случайно не забыла выпить приготовленный дядькой-охотником настой. Теперь со мной происходят странные вещи. Моё тело меняется. Появились странные видения. А ещё меня непреодолимо тянет к этому новому преподавателю. Кажется, чтобы понять, что происходит, мне придётся сбежать из дома и открыть все самые неприглядные тайны своей семьи. В тексте есть:– оборотни-истинная пара- сильные чувства- любовь вопреки

Содержание

Часть 1 «Мы снова встретились»	4
1.2	9
1.3	14
Часть 2 «Здравствуйте, я ваша истинная пара»	19
2.2	24
2.3	31
Часть 3 «Если друг оказался вдруг»	36
3.2	41
3.3	46
Часть 4 «Злая шутка провидения»	51
4.2	58
4.3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Элис Карма, Алиса Буланова (Не) буди во мне зверя

Часть 1 «Мы снова встретились» 1.1

Ника

Весной моего десятого года жизни автомобиль моих родителей занесло на дороге, и он упал с моста в реку. Они погибли. Я выжила. Меня вытащил из воды огромный пёс, похожий на волка. Когда я рассказала об этом подросевшим на помощь медикам скорой и полицейским, мне не поверили – списали всё на детское воображение. Однако, чем больше проходило времени, тем яснее становилось, что шрам оставшийся у меня на плече есть не что иное, как след от крепкой хватки зубастой пасти. Иногда мне даже снился сон, в котором этот самый здоровый чёрный пёс с рубиновыми глазами говорил со мной. Раньше я думала, что это какой-то дух, что присматривает за сиротами. А став старше, поняла, что мне просто было одиноко, и я создала себе такого воображаемого друга. После этого осознания стала относиться к снам

проще.

Этой ночью он мне тоже снился, тот самый пёс. Вот только я во сне была уже взрослая. Да и пёс не скрылся в глухом лесу, едва вытащив меня из воды. Он вдруг превратился в абсолютно голого горячего красавчика. И как это часто бывает во сне, вопреки логике и здравому смыслу мы сразу же слились в поцелуе, сопровождаемом жаркими объятиями и разного рода рукоблудием. Лес вокруг сменился моей комнатой в квартире дяди. В общем, то да сё, проснулась я в перевозбуждённая и мокрых трусишках. Странно вроде бы. Но я решила не обламываться и просто принять внезапный оргазм, как ещё один неожиданный подарок на мой двадцать первый день рождения.

Не скажу, что это решение далось мне с трудом. Я, несмотря на трагичные события детства, по жизни вообще редко обламываюсь. Не знаю, в чём тут дело. Может, воспитание дядьки моего мирового, вложившего с ранних лет мне в голову мысль, что жить надо с радостью и удовольствием. А может в том, что все самые страшные вещи на мою судьбу выпали в самом начале жизни, и теперь мне в основном везло. А если и случались какие-то неприятности, то все они были незначительными. И больше двух дней и я никогда о них не переживала.

Вот и двадцать первый день своего рождения я выбрала провести, как выразился величайший мудрец нашей современности, на чилле и расслабоне. Повалялась немного в кро-

вати, лениво вспоминая подробности сна и усмехаясь смелости своего бессознательного. Потом встала и приняла по-быстрому душ, трусишки закинула в стиралку. На мою удачу она была почти полная, так что я сразу и стирку запустила, чтобы ни одна живая душа не узнала до какого состояния довёл меня тот горячий волк-альфач.

Я ещё раз проржалась от таких мыслей, а затем принялась за мейкап. Я не часто таким страдаю. В основном, лень бывает. Но раз сегодня день рождения, то сам Бог велел.

– О, Ник, марафет наводишь? – раздался за спиной голос дядь Валеры.

Я кивнула, глядя на его болезненное отражение в зеркале ванной. Опять, видимо, с мужиками на работе прибухнул вчера. Вообще он никогда особо не злоупотреблял, но в последнее время у них в конторе совсем трындец, так что народ лечится от стресса, как может. Только вот потом с утра наблюдается такое вот состояние нестояния. Сжалившись, я прихватила косметичку и освободила ванную.

– А чего это ты с утра пораньше за стирку взялась? – прокричал он мне сквозь закрытую дверь и шум воды. – Учёбу отменили, что ли?

– Нет, я экспресс поставила, – тем же ором ответила я. – Пока соберусь, как раз достраивается. Развешу и пойду.

– Ладно, только лекарство не забудь выпить перед выходом!

Я хотела было сказать, что гомеопатия его была признана

лженаукой ещё до моего рождения, и что мои мигрени сами собой проходят, как только луна идёт на убыль. Но потом призадумалась и поняла, что ему спокойнее, когда я делаю то, что он говорит. Плюс эта лунозависимость, что выявили мы с моим другом Киrom, тоже не сильно тянет на медицинское обоснование, скорее на какую-нибудь эзотерику. Кир даже в шутку меня звал иногда оборотнем. Без него, кстати, я про луну ни за что бы не догадалась. А он повёрнутый на этой теме, книжки всякие там читает, фильмы смотрит. Так что быстро мне разложил лунный цикл, карты и всякую другую хренотень. Вывел мою зависимость через влияние луны на океан, а влияние того, в свою очередь, на атмосферное давление, климат и прочее. Теория эта даже дядьке понравилась.

Короче, чтобы я там ни думала, а жижу эту, дядькой приготовленную, пить придётся. Мы с ним и жили, как настоящая семья, потому что оба старались. Как-то вот достались друг другу такие понимающие. Он понимал всегда, что я всего лишь ребёнок. А я понимала, что кроме него, маминого брата, всю жизнь, прожившего диким холостяком в засранной квартире, у меня других родственников не было и не будет. В конце концов, и я научилась от него относиться ко всему в жизни просто, и он научился от меня не бросать носки грязные посреди комнаты, а нести их сразу в стиралку.

Вот так мы и жили всё это время. Я окончила школу с неплохими баллами за ЕГЭ и вместе с Киrom поступила в

местный торгово-финансовый колледж на экономиста. Сейчас училась на последнем курсе. Впереди меня ждал самый короткий семестр, а за ним преддипломная практика. И ничего не предвещало бури, вот только я забыла таки выпить перед выходом заговорённую дядькой воду.

1.2

– Это кто у нас сегодня такая красотка? – приговаривал Кирыч сквозь нескончаемый ржач.

– Это я, это я, – отвечал я, вытирая выступившие от смеха слёзы. Ну никак сюсюкающий тон Кира не вязался с его ростом под два метра и комплекцией бойца супертяжеловеса.

– У кого это сегодня именины?

– У меня, у меня...

– А кому это с сегодняшнего дня можно официально пить алкашку, смотреть порно и прочими непотребствами заниматься?

– Мне... хотя про непотребства, я не уверена.

Мы сидели в лекционной аудитории, в ожидании пары. Кир слегка припозднился, потому что ездил забирать мой подарок из DNS – игровую видеокарту в разы мощнее, чем у меня была. Так что свою поздравительную речь он произнес практически за пару минут до начала занятия. Я ржала, как лошадь, потому что понимала юмор Кира и была с ним на одной волне. А ещё порадовало, что он без предварительных обсуждений с ходу попал в точку с подарком. Было жутко приятно от того, что рядом кто-то, кто тебя так хорошо знает. Сам Кир тоже выглядел довольным моей реакцией.

– Спасибо тебе, – выдохнула я, разглядывая коробку с видеокартой.

– Носи на здоровье, солнце, – усмехнулся друг, а потом прищурился как-то странно.

– Что? – я подняла на него глаза.

– Да не, ничего, – вздохнул Кир. – Просто смотрю на тебя и думаю: ты, Ник, и правда красотка. Жаль что у нас в группе толком нет парней нормальных. Одни девчонки.

Он покосился на одноклассниц Ирину и Веру, поднимающихся по лестнице.

– Да мне как-то пофиг на это, – я пожала плечами. – Я тебя ни на кого не променяю.

Я небрежно закинула руку Киру на шею.

– Эй, может перепихнётесь ещё у всех на глазах?! – донеслось с парты позади. – Нашли чем заниматься посреди аудитории!

Андрей Васнецов, главный наш спортсмен курса, да и вообще колледжа, поборник нравственности и морали увидел в моём жесте разврат и решил праведно возмутиться.

– Эх, Андрюша-Андрюша, – вздохнул Кир, положив мне голову на плечо. – Тебя мама с папой не учили, что завидовать нужно молча? А то ведь так окружающие и догадаться могут, что тебе никто не даёт.

Тот ответил Киру злобным взглядом.

Надо сказать, что это просто приколы. И разумеется у меня с Киром ничего никогда не было. Да и ни с кем другим тоже. Просто как-то не задалось, все эти встречалки и отношения – это вообще не про меня. И пусть в реале парня у меня

не было, 2D куны из игр и аниме всегда были моей большой любовью. Кир моё стремление держать дистанцию с противоположным полом объяснял детской травмой. Вроде как, я в детстве потеряла самых дорогих и любимых людей, так что теперь боюсь привязаться к кому-то, чтобы не испытывать эту боль вновь. Звучало убедительно. К тому же Кир у нас эксперт всего, так что сомневаться в его теории, у меня не было причин.

– Просто тебе влюбиться надо по-настоящему. Вот найдёшь подходящего кандидата, и всё сразу в ажуре станет, – говорил он, и я верила и дожила с этой верой аж до двадцатиоднолетия.

Сам Кир, несмотря на свою житейскую мудрость, был уже долгое время влюблён в нашу бывшую одноклассницу. В старших классах она считалась первой красавицей школы, ещё и из семьи обеспеченной, так что Кир со своими внешними данными и пьющими родителями считал себя недостойным её. И казалось бы, тут у Кирыча должна была включиться его привычная позитивная логика, вроде, «внешность не главное, главное, чтобы человек был хороший». Но отчего-то она срабатывала на ком угодно, только не на нём. Вот так мы, собственно, и существовали, выражаясь словами нашей англичанки: «Систер энд бразер фром эназе мазер» («Сестра и брат от разных матерей» англ. поговорка). Но мой двадцать первый день рождения оказался удивительным во всех смыслах.

Пока мы переговаривались между собой, в аудиторию вошёл преподаватель. Курс постепенно затих и обратился на него всё внимание. Кир тоже уставился вперёд, где за кафедрой устроился темноволосый мужчина.

– Я слышал, что он Алексеева заменил в этом семестре, потому что у того инфаркт, – зашептал Кир. – Вроде от пьянки.

– Не, – Вера снова повернулась к нам. – Его на взятке, говорят, поймали. Видел, кабинет до сих пор опечатан?

– Да какая разница? – вздохнула Ирина. – Ушёл и ушёл. Зато новый какой красавчик.

Я за их диалогом следила очень посредственно. Мне больше были интересны характеристики новой видеокарты. Но когда новый препод заговорил, я была вынуждена оторваться от блестящей коробки, ибо я уже слышала этот голос раньше.

– Меня зовут Искандеров Глеб Власович, – произнёс он громко и чётко. – Доцент кафедры бухгалтерского учёта и аудита Усть-Сибирского университета. В этом семестре я буду читать вам аудит. По окончании курса вас ждёт экзамен, результат которого пойдёт в диплом.

Первая моя реакция – шок. Я не могла поверить своим глазам. За кафедрой на месте преподавателя стоял парень из моего сна!

– О! – только и могла воскликнуть я.

Глеб повернулся в мою сторону и нахмурился. По аудитории прокатился смех. Я смущённо сползла под парту. Ли-

цо пылало, тело как-то странно напряглось. Видимо, отреагировало на стресс. Ещё бы! Одно дело, когда ты видишь эротический сон с каким-то абстрактным человеком, и совсем другое, когда этот человек оказывается реальным. Я пыталась прикинуть, где, когда и при каких обстоятельствах встречалась с Глебом ранее, чтобы моё бессознательное могло сгенерировать такой смелый сон с его участием. Но тщетно, по всему выходило, что я видела его впервые.

– Ник, ты чё? – Кир ткнул меня в бок. Я только покачала головой растерянно.

Нужно было сосредоточиться на материале занятия, а я не могла оторвать от нового препода глаз. Воспоминания и ощущения от сна были очень свежи, а моё тело бурно реагировало на них. Такое происходило со мной впервые. Никогда прежде я не испытывала столь сильного и внезапного сексуального желания. Тем более, к человеку, с которым ни разу не пересекалась в живую.

«А может, это всё опять сон? Может, щас я поднапрягусь и проснусь?»

Я закрыла глаза и резко открыла их, но красавчик из сна никуда не исчез. Ещё и посмотрел на меня каким-то заинтересованным взглядом. Я вновь легла на парту и спрятала лицо.

«Ну и что мне теперь делать?»

1.3

Пара подходила к концу, а я в своих мыслях погружалась в пучину похоти и разврата с новым преподавателем, совершенно не понимая при этом, почему дремавшее до сих пор либидо проснулось именно теперь. Здравый смысл в моей голове искал всевозможные оправдания моему влечению. Сама же я смотрела в одну точку перед собой. Вера обернулась назад, чтобы отметить присутствующих в журнале. Наши взгляды встретились, и у меня внезапно появилась идея.

– Вера, хочешь я за тебя отмечу посещаемость? – спросила я с блеском в глазах. Та покосилась настороженно на меня, потом на Кира.

– С чего бы вдруг?

– Да дай ребёнку побаловаться в день рождения, – махнул рукой Кир, вместо того, чтобы дать внятное объяснение. Вот что называется «настоящий друг» – ещё не понял, в чём ки-пиш, а уже его поддержал.

Вера с сомнением поджала губы, но журнал отдала.

– Смотри только не напорть ничего, – бросила она напоследок.

Я радостно кивнула и начала быстро заполнять колонку в журнале. Просто хотелось подойти к нему и убедиться, что всё это мне просто показалось. Мы знаем друг друга, определённо знаем. Возможно, я просто не помню этого. Не мог-

ла же я просто так с первого взгляда вспылать к нему чувствами. Пусть он и выглядел ничего так: высокий и плечистый, со стильной аккуратной стрижкой, и лёгкой небритостью, придававшей ему мужественности.

– На этом всё, – подвёл итог Глеб Власович. – Старосты пусть подойдут с посещаемостью, остальные могут быть свободны.

Курс зашумел и повалил к выходу из аудитории. Я намеренно тянула время, чтобы подойти к преподавателю последней. Кир терпеливо ждал рядом, хотя уже давно собрал свои вещи. Стало жутко неловко перед другом. У меня никогда от него не было секретов, а сейчас только и ждала, что он свалит, чтобы проверить своё дело.

– Кир, ты иди, я догоню, – еле внятно проблеяла я от подступившего волнения.

Тот посмотрел на меня прищурившись.

– Что бы ты ни задумала, я желаю на это посмотреть, – выдал он после непродолжительных раздумий. Тяжелый вздох вырвался из груди. Я люблю Кира, и он мой самый лучший друг, но порой он просто нереально тупит.

– Да там ничего такого. Просто я его вроде знаю, – попыталась возразить я.

– Ник, мозг не компостируй, – бросил Кир серьёзным тоном. – Сказал дождусь, значит, дождусь.

В голове появилась мысль, что он просто не хочет оставлять меня с незнакомым мужиком наедине. Вот ведь забот-

ливый какой нашёлся! Прямо как дядька, который: «После десяти вечера чтоб из дома ни ногой, но если ему за сигаретами, то можно». Я страдальчески вздохнула и поплелась к кафедре. К тому времени в аудитории кроме нас троих уже никого не осталось. Увидев меня, Глеб широко улыбнулся. У меня сердце к горлу подскочило, и в висках застучало. Гипертония, не иначе. Говорила же дядьке, что мне в больницу надо.

– Ещё одна староста? Не ожидал, – он принял у меня журнал и строго добавил. – А лекции я бы на твоём месте всё-таки записывал. Этого материала в свободном доступе нет.

Я не знала, что ответить. Чувствовала, как заливаюсь краской. Он смотрел на меня своими необычного цвета глазами. Его взгляд будто гипнотизировал, лишал рассудка. Мне хотелось коснуться Глеба, хотя бы легонько, кончиками пальцев. От этого желания у меня даже в горле пересохло. Я нервно сглотнула.

– Да она линзу потеряла контактную, – снисходительно улыбнувшись, сказал Кир. – И как умудрилась только? Вы не сердитесь, она всё перепишет у меня потом.

– Ну, как скажешь, – Глеб протянул журнал обратно.

Я нервно покосилась на Кира, и тот, закатив глаза, вышел за дверь. Глеб проводил его удивлённым взглядом, а затем вновь вернулся ко мне и спросил:

– Ты что-то ещё хотела?

– Нет, ничего, – ответила я, чувствуя, как ускоренно бьёт-

ся сердце.

Нет никакой ошибки. Я запала на него. В панике я неловко выхватила у него журнал, мазнув кончиками пальцев по руке, и уже хотела сбежать. Но дыхание вдруг перехватило, а пол под ногами дрогнул. Я, согнувшись, задержалась за преподавательский стол.

– Эй, ты чего? – донеслось откуда-то издалека.

Внезапно я разом ощутила все свои кости, потому что каждая из них словно бы начала резко увеличиваться в размерах. Вместе с тем мышцы обожгло, а кожу засадило. Попробовала вдохнуть ртом, но не вышло. Что-то странное случилось с челюстью, я больше не контролировала её. Я вся горела, будто в лихорадке. Сердце стучало, как сумасшедшее. Не ясно, откуда всё это вдруг взялось, я же сроду ничем не болела. Даже не простужалась ни разу за всю сознательную жизнь. Только мигрени были. Но то, что происходило со мной в этот момент, не шло ни в какое сравнение. Казалось, я умираю, буквально разрываясь на части. Агония, чистая агония охватила и разум, и тело. Боль за считанные секунды достигла такого уровня, что у меня начались галлюцинации. Я увидела звериную лапу вместо своей руки на столе. Обернулась на Глеба и обнаружила на его месте того чёрного волкоподобного пса.

– С днём рождения, – подумал он, и я услышала его мысль. Вот только не поняла, что он имел в виду. Когда-то этот чёрный волк спас мне жизнь. Возможно ли, что в мой двадцать

первый день рождения он вернулся, чтобы забрать её?

Часть 2 «Здравствуйте, я ваша истинная пара»

2.1

Глеб

Я стоял на парковке у дома и размышлял над тем, что ни одно успешное предприятие не начинается со слов:

– Ну давай, выручи хорошего человека.

Дыхание вырывалось паром изо рта и оставляло лёгкий белый налёт инея на ресницах и бровях. Я не помнил, когда в последний раз январь был настолько морозным. И, наверное, по уму надо было зайти уже в подъезд, но не хотелось показывать матери, что она застала меня врасплох. Благо пальцы мои холода не чувствовали, благодаря особенностям теплообмена.

– Герман Алексеев мой хороший друг, – продолжала мать. – Сделай доброе дело. Возьми курс аудита в колледже вместо него.

– Да нет у меня столько свободного времени! – возмутился я на её аргументы. Бесило, что перед какими-то друзьями и приятелями она готова была выслуживаться как сторожевая собачонка. И ладно бы только сама выслуживалась, ещё и меня пыталась втянуть в эти свои схемы.

– В смысле, нету? – искренне удивилась она. – Кандидат-

скую ты вроде уже защитил, в университете нагрузка у тебя небольшая, от подработок в шарагах ты отказался.

– Мам, у меня ведь личная жизнь есть.

– Хоспади, да нету у тебя никого, не выдумывай!

Я хоть и не видел её в этот момент, но отчётливо вообразил, как она закатывает глаза и качает головой. Интересно, она вообще хоть когда-нибудь относилась ко мне, как к сыну, а не как к средству достижения целей? Этот вопрос не то чтобы тревожил или угнетал меня, но всё же хотелось бы знать, чтобы не питать иллюзий.

– Ну, с такой интервенцией и не будет никогда, – ответил я и, положив трубку, направился к подъезду.

Хотелось верить, что она на самом деле знает, что не права, просто вынуждена придерживаться такой модели поведения. По той же причине, почему я не мог отказать в просьбе ей, не могла и она. Такие вот законы действовали в стае. Младшие подчинялись старшим, слабые сильным. И хотя я всегда стремился быть вне всего этого, всё же невозможно было игнорировать то, что встроено в твою ДНК.

Я, собственно, потому и остался в Усть-Сибирске. Хотя в городе нашем, с какой стороны ни посмотри, условия для жизни были не самые благоприятные. Ни для человеческой, ни для волчьей. Из-за военного производства город был полностью закрыт и отрезан от внешнего мира. Ни на одной карте, ни в одном поисковике, вы не нашли бы его название. Из-за изоляции блага цивилизации в виде цифровых технологий и

высокоскоростного интернета к нам доходили очень медленно. А когда нет источников информации, не с кем сравнить себя, то нет и развития. Общество живёт традиционными, подчас устаревшими, нормами.

Оборотням вдобавок приходилось мириться с охотничьим кланом, поселившимся на нашей территории. Ни мы, ни они не желали уступать город, оттого конфликт, приносивший потери обеим сторонам, продолжался уже долгие годы. Из-за него погиб мой отец, пострадала сестра и многие другие оборотни. Уверен, что и среди охотников тоже найдутся те, кто потерял своих близких из-за этой бессмысленной вражды. Когда я был совсем юн, меня переполняли наивные мечты и надежды изменить жизнь и устаревшие законы. Но чем старше я становился, тем чаще сталкивался с закоренелым мышлением своих сородичей и страхом чего-то нового. В конце концов, моя мечта так и осталась мечтой, живущей где-то в мыслях.

Вздыхнув, я поднялся на лифте к себе. На всякий случай жмакнул по дверному звонку, чтобы предупредить Алису о своём возвращении. Иначе опять пришлось бы выслушивать, что я появился слишком внезапно. У меня иногда складывалось впечатление, что это я у неё живу, а не наоборот.

Идея поселить младшую сестру ко мне тоже принадлежала маме. После несчастного случая одиннадцать лет назад, ей нужно было постоянно наблюдаться у специалиста. Возить её каждый раз из родительского дома в пригороде было та-

ким себе вариантом. К тому же после ухода отца Алиса с мамой окончательно потеряли общий язык и скандалили каждый божий день. Я в то время только поступил в аспирантуру и переехал из общежития в съёмную квартиру. Алисе у меня нравилось. Да и больница была рядом, так что я не возражал, что она подолгу гостила у меня. Озадачился я только тогда, когда мать привезла все Алисины вещи. Нет, я не был против. Только офигевал от того, насколько у матери атрофировался материнский инстинкт.

Сначала я думал, что дело в новом мужчине. И случись оно так, то я бы наверное даже перестал на неё злиться. В конце концов, она многое в жизни перенесла и имела право на счастье. Но она всю себя отдавала общественной и общественной деятельности. Это казалось жестоким по отношению к Алисе и несправедливым по отношению ко мне.

– Ты никак снова с мамой говорил? – предположила сестра, встречая у порога. Меня всегда поражало, как она это делает, несмотря на то, что с трудом передвигается на костылях. Я вздохнул и улыбнулся.

– Как ты поняла? – вместо ответа спросил я разуваясь.

– По выражению лица, – сказала Алиса и поковыляла обратно в зал. – И опять просила что-то наверняка.

Я поставил ботинки на полку для обуви и прошёл вслед за сестрой в комнату. Обсуждать разговор с мамой не хотелось, но Алисе нужно было общение. Иначе, сидя в четырёх стенах, можно сойти с ума.

– Вести аудит в колледже при универе, – ответил я, присаживаясь напротив неё в кресло. На секунду на её лице мелькнул какой-то детский восторг, который она быстро попыталась спрятать за маской равнодушия.

– Так соглашайся, – пожала плечами она. – Всё равно ведь достанет. К тому же это всего на семестр. Сколько там, тридцать занятий?

– Тридцать два.

– Ну вот. А заодно разведаете обстановку. И знакомства заведёте с преподавательским составом. Если у меня получится этим летом поступить туда, будет очень кстати.

Я бросил на сестру удивлённый взгляд. До этого она не упоминала, что собирается поступать куда-то. Ещё поразило то, как легко она рассуждала обо всём, точно речь шла о том, что на ужин приготовить. Но с другой стороны, а может как раз и не стоило усложнять? Прими я это предложение, и всем станет лучше. И нельзя сказать, что я сам от этого что-то потерял бы. Ещё немного поразмыслив, я написал матери, что согласен.

2.2

Звонок возвестил о начале лекции и я поспешил к обозначенной в расписании аудитории. По дороге взгляд непроизвольно цеплялся за все возможные несовершенства колледжа: плохой ремонт, грубых студентов, общающихся между собой на примитивном языке. Я, будто озабоченная мамаша, искал оправдания, чтобы не пускать сюда Алису. Ну, и самому не ходить, раз необходимость в обеспечении её тыла отпадёт. Обычно экономический факультет в любом учебном заведении – это местная элита. Там самая высокая стоимость оплаты за семестр и контингент, как правило, из более или менее приличных семей: бухгалтеров, управляющих, финансистов. Проходной балл на экономические специальности тоже выше, чем на другие и конкурс высокий. Но, видимо, все эти правила обошли стороной торгово-финансовый колледж.

С самого начала я заметил пофигизм на лицах своих студентов. Будто они не третьекурсники за несколько месяцев до выпуска, а ученики тракторного ПТУ, только что покинувшие среднюю школу со справкой. Парни, оценив мой возраст, видимо, решили, что можно не ждать штрафных санкций, как от преподавателей советской закалки. Девушки, не найдя на пальце обручального кольца, принялись строить глазки, время от времени переглядываясь и перешёптываясь

друг с другом.

Я решил обозначить границы дозволенного. Рассказал, что ждёт всех за пропуски, и насколько строго буду принимать экзамен. Мне даже показалось, что после этого народ стал чуть посерьёзнее. Но градус моего раздражения только продолжил нарастать. Ещё вдруг одна девчонка с задней парты подскочила, тыча в меня пальцем, словно только проснулась и поняла, что пара уже началась. Позорище. Даже её однокурсники покатались со смеху. Я присмотрелся к нахалке. Вроде ничего особенного: светленькая, худенькая, волосы коротко стриженные. С первого взгляда не определишь ни пол, ни возраст. Рядом со своим здоровым соседом так вообще выглядит как недоразумение. Ещё и раздурманилась после своего конфуза, красна девица. Я только вздохнул и покачал головой.

Сколько бы я ни преподавал, снова и снова приходил к выводу о несовершенстве нашей системы образования. Ну, невозможно заставить человека слушать, а тем более понимать и запоминать, что-либо, если тема ему неинтересна. Причём, чем сложнее предмет, тем меньше вероятность, что что-то осядет в пустых ветреных головах. А аудит предмет непростой, рассчитанный на логику, внимательность и усидчивость. Стоит ли говорить, что все мои старания в подаче материала к концу лекции пошли прахом?

– На этом всё, – приняв неизбежное, сказал я и отложил мел в сторону. – Старосты пусть подойдут с посещаемостью,

остальные свободны.

Я ещё раз оглядел аудиторию и не без удивления обнаружил, что эта девчушка с задней парты, спавшая сладким сном всю лекцию, оказывается, ещё и староста. Может, у нас поэтому настолько всё плохо, что на ответственные должности назначают кого ни попадя? Этот риторический вопрос так и остался в моей голове невысказанным, как и многие другие. Я тяжело вздохнул и поставил подписи в журналах, что принесли мне остальные старосты. У них хотя бы хватило толку вовремя всё сделать. Эта всё чего-то копошилась, шаньги мяла. Уже и в аудитории, кроме друга её никого не осталось.

Неподвижный и терпеливый как бодхисаттва Будды, я сидел и ждал, когда это чудо соизволит принести мне посещаемость своей группы. Видимо, из-за стресса от первого занятия разыгралась мигрень. Я потёр виски и заглянул во вклеенный в ежедневник лунный календарь. До полнолуния оставалась ещё неделя. Через семь дней можно будет взять Алису и уехать в отцовский лесной домик. Там вдали от города и людей мы обычно встречали полную луну. Для оборотня нет ничего более приятного, чем принять в полнолуние свою вторую форму и унести в лес. И дело вовсе не в охоте, как считали те, кто нас боялся. Суть в том, чтобы побыть тем, кто ты есть, ощутить свободу, хотя бы на пару дней. Невозможно сдерживать волка в себе. Он будет донимать тебя до тех пор, пока ты не сдашься или не умрёшь. Я видел, как ма-

ма пыталась оставаться человеком в полнолуние, когда отца не стало. Видел, как страдала Алиса, потому что не могла полноценно обернуться. Я и сам чувствовал эту боль прямо сейчас, хоть до полнолуния ещё было достаточно времени. Хотелось уйти на свежий воздух, но нужно было дожидаться эту горе-старосту.

– Ещё одна староста? Неожиданно, – я наконец забрал у неё журнал. – А лекции я бы на твоём месте всё-таки записывал. Этого материала в свободном доступе нет.

Я посмотрел на неё и ощутил неясное волнение. Может, всё оттого, что она сама сильно ступсевалась: вздыхала тяжело, кусала губы, заламывала тонкие дрожащие пальцы. Вблизи она уже не выглядела такой нелепой. Даже злиться на неё стало как-то неловко. Захотелось по-хорошему пожалеть и приободрить. А то, того и гляди, расплакалась бы.

– Да она линзу потеряла контактную, – пояснил её друг.

Стало ясно, отчего у неё глаза на мокром месте. Я кивнул и ободряюще улыбнулся, поставил подпись в журнале и протянул его ей. Девушка замялась, обернулась на друга. Тот закатил глаза и вышел за дверь. Я нахмурился, предчувствуя что-то странное. Может, эта девчушка, как её одноклассницы, запала на меня? У меня, конечно, не было девушки, но мутить со студентками это для меня было бы слишком.

– Ты что-то ещё хотела? – спросил я, потрянув журналом в воздухе.

Она ещё больше покраснела. Я мог бы поклясться, что

слышу, как грохочет с бешеной скоростью её пульс.

– Н-не, ничего, – проблеяла она и потянулась обеими руками за журналом.

Не могу сказать точно, что именно произошло. Вроде бы наши пальцы соприкоснулись на секунду. Руку будто обожгло, а перед глазами всё поплыло. В костях появилась характерная ломота. Я с ужасом понял, что начал оборачиваться. Не было ни времени, ни возможности спрашивать себя, как это получилось. Я был в учебном заведении, полном молодых людей, среди которых были и дети охотников. Стань я волком, и меня бы наверняка ждала смерть.

С огромным трудом мне удалось взять под контроль собственное тело. Однако стоило мне выдохнуть, как я увидел, что эта самая девушка тоже начала трансформацию.

– Оборотень... – прошептал я, не веря собственным глазам. – Эй, ты что творишь?!

Казалось, она не слышала меня и не понимала, что происходит. Огромными круглыми звериными глазами она смотрела на меня испуганно. Меня на секунду охватило чувство дежавю. Будто когда-то давно я уже видел её и вот так же держал за плечо. Перед глазами возникла картина полноводной реки с глыбами льда. Я помнил тот холод и мерзкий вкус человеческой крови на зубах. Рука потянулась к вороту её худи. Чуть повыше правой ключицы виднелся шрам от укуса. Совпадение?

Меня охватила паника. Я не мог достучаться до её созна-

ния. А трансформация продолжалась. Времени было в обрез. Ещё немного и в аудиторию повалили бы студенты на следующую лекцию. Мне не оставалось ничего, кроме как вырубить её. Девушка обмякла на моих руках. Я уложил её плавно на пол и проверил пульс. Он замедлился. Началась обратная трансформация – её тело приобретало человеческий вид. Вот только глаза всё ещё оставались звериными.

В аудиторию заглянул её приятель здоровяк.

– Э-э-э, опять?! Сегодня вроде не полнолуние! – воскликнул он, заметив подругу на полу без сознания. Меня его реакция одновременно и удивила, и порадовала. Во всяком случае он воспринял происходящее спокойно. С другой стороны, раз заговорил про полнолуние, то такое происходило не впервые. А если так, то какого чёрта, эта девица не научилась до сих пор себя контролировать. Или пулю серебряную захотела?

– Может ей скорую вызвать, – беспокожно спросил здоровяк, присаживаясь рядом.

Я нахмурился. Раз всё-таки про скорую упомянул, значит об истинной сущности подруги он либо не знает, либо знает частично. Такое среди оборотней не редкость. Чтобы жить и работать нормально среди людей, они врут, что страдают какими-нибудь фейковыми болезнями, на которые списывают все свои странности.

– Не стоит, наверное, скорую. Лучше позвони её родителям, они должны знать, что делать.

Здоровяк кивнул. Я ещё раз взглянул на лицо девушки. Она выглядела настолько беспомощной, что внутри всё сжималось. Появилось почти невыносимое желание забрать её к себе, позаботиться о ней, раз другие так паршиво справляются. Это желание, а точнее тот факт, что сопротивляться ему оказалось крайне трудно, изрядно меня напугал. Я видел её в лучшем случае второй раз в своей жизни. Она была взрослой самостоятельной девушкой. Рядом с ней был парень, способный поддержать её в трудную минуту... У меня не было ни единой причины чувствовать за неё ответственность, однако что-то внутри твердило об обратном. И чем больше я сопротивлялся, тем сильнее разрасталась головная боль. В конце концов, я просто сбежал, не дожидаясь, когда придут её родственники.

2.3

– Что с тобой? Выглядишь ещё более депрессивным, чем обычно. Это пугает, – сестра присела рядом.

Вот уже битый час я сидел за письменным столом и пялился в одну точку. Мысли мои витали где-то далеко, совершенно не там, где нужно. Я гадал, всё ли в порядке с той девушкой. Даже порывался позвонить в деканат. Но тогда мне пришлось бы признаться, что сбежал и бросил их студентку без сознания. Это было бы не слишком-то благоприятной характеристикой с точки зрения работодателя.

– Я сегодня встретил молодого оборотня, – задумчиво ответил я Алисе.

– И что? – спросила она удивлённо. – Оборотня же, не йети. Стая большая. С чего вдруг такое лицо?

– Она не из нашей стаи, в этом я уверен. Но трудно представить, чтобы оборотень жил на нашей территории и не присоединился к общине.

– О, так это девушка, – Алиса прищурилась. – Может её семья недавно переехала?

– В Усть-Сибирск? – мрачно усмехнулся я. – Это возможно лишь при условии, что кто-то из её близких поступил работать на оружейный завод.

Сестра нахмурилась.

– Это невозможно, – покачала она головой. – Ни один обо-

ротень в здравом уме на завод не сунется. Там охотники всем заправляют.

– Вот и я о том.

На минуту мы оба замолчали, погрузившись в размышления, откуда могла взяться эта красна девица. Я помимо этого ещё и прокручивал в голове всё, что произошло сегодня после лекции.

– Это странно, – заключил я, ещё раз всё обдумав.

– Что странно? – Алиса приготовилась внимательно слушать.

– Она начала трансформацию, после того, как случайно задела мою руку, – пояснил я, тщательно подбирая каждое слово. – Вот так вот, внезапно. За неделю до полной луны.

– Брат, ты чего?! – встрепенулась Алиса. – Это же импринтинг!

Я бросил на неё опасливый взгляд.

– Ладно-ладно, успокойся, – тут же добавила она, улыбнувшись. – При импринтинге обычно ведь оба трансформируются в истинную форму.

Холодная дрожь пробежала по спине от осознания, что я тоже чуть не обернулся тогда. Я попытался сохранить равнодушное выражение, чтобы не выдавать сестре ещё одну компрометирующую подробность. Вначале мне самому нужно было во всём разобраться.

– Я думаю, ты должен поговорить с ней, – сказала Алиса, поднимаясь из-за стола. – Никто не даст тебе о ней разъяс-

нений лучше, чем она сама. Встретишься, расспросишь обо всём. Глядишь, всё встанет на свои места. В конце концов, ничего необычного в запечатлении нет.

Хотел бы я себе немного Алисиного оптимизма. Но я, к сожалению, слишком хорошо знал, как преподавательское сообщество относится к интрижкам коллег со студентами. Да и как бы родители девушки восприняли, что её избранник лет на пятнадцать старше, тоже не понятно. Я снова тяжело вздохнул, отложил очки в сторону и откинулся на спинку стула.

Если не брать первое, более широкое значение импринтинга в биологии и сосредоточиться только на том, что этот термин означает для сообщества оборотней, то под ним можно подразумевать истинную пару или соулмейта. Среди тех, кто изучал этот вопрос с научной точки зрения, до сих пор расходятся мнения, чем именно определяется эта самая «истинность».

Кто-то говорит о биологической совместимости, гарантирующей наибольшую выживаемость потомства, кто-то говорит о совместимости психологической, благодаря которой удаётся образовывать наиболее крепкие и значимые в общественном плане союзы. В пользу обеих теорий есть свои и "за" и "против", но ни одна из них не объяснила бы, по какой причине моим соулмейтом оказалась она.

Я пытался выкинуть её из головы. Убеждал себя, что она совсем не мой тип. Но чем больше времени проходило с той

лекции, тем острее я ощущал неведомую мне раньше тоску. Её едва ли вызывали влюблённость или влечение, как это бывает у обычных людей. Это скорее больше походило на то, что я чувствовал к Алисе. От осознания этого меня немного отпустило. Возможно я просто беспокоюсь, потому что она слабее. Я даже позволял себе безобидные фантазии о том, как мы пересекаемся в колледже, обедаем вместе, как невзначай я зову её с нами в лесной домик на полнолуние. От таких фантазий становилось тепло на душе.

Однако уже через пару дней мне пришлось встретиться с суровой реальностью. Я должен был вести у экономистов практикум, но перед этим заглянул в буфет, чтобы взять кофе и воду. Здорового темноволосого парня я заприметил издали и огляделся. Раз этот здесь, то где-то рядом должна быть и моя «принцесса». Чуть повернув голову, я заметил её с двумя пластиковыми стаканами кипятка. Может быть это просто совпадение, но ровно в тот момент, когда я нашёл её, она обернулась на меня, будто почувствовала. На лице её появилось мучительное выражение. Она отвернулась и пошла к стойке, за которой стоял здоровяк. Я видел, как приятель спрашивает её о чём-то, а та в ответ качает головой и потирает висок. От их настроения и выражений лиц мне стало спокойно. Я хотел подойти, но понятия не имел, что сказать в этом случае. Мне оставалось наблюдать, как здоровяк достанет термос из рюкзака и даёт подруге выпить его содержимое. Даже издали мне удалось уловить знакомый запах. Беспо-

койство моё достигло предела. Я оставил очередь и спешно направился к ним. Но прежде, чем оказался рядом, девушка побледнела и, закатив глаза, сползла по стеночке на пол.

Народ вокруг не сразу понял, что кто-то из студентов потерял сознание. Это было мне на руку. Я подбежал и присел рядом с ней. Нашупал пульс, проверил зрачки. Бросил беглый взгляд на здоровяка. Тот в панике набирал номер телефона.

– Что ты ей дал? – спросил я его.

– А? – отозвался он растеряно.

– Что в термосе?! – почти проорал я.

Он пожал плечами и протянул мне крышку с недопитой жидкостью. Я коснулся её кончиком языка и сплюнул. Это был настой аконита.

– Кто дал тебе эту отраву? – прорычал я злобно, чувствуя, как закипает всё внутри. Здоровяк испуганно взглянул на экран своего мобильного.

Часть 3 «Если друг оказался вдруг»

3.1

В детстве, когда меня по ночам одолевала головная боль, я старалась не будить дядьку потому что видела, как он устаёт на заводе. Но он всё равно просыпался.

– Ты чего, Ника? – спрашивал он и гладил меня по больной голове.

Легче, конечно, не становилось, но я хотя бы переставала бояться. Знала, что не одна, что пусть мама и папа не вернутся, но дядь Валера меня не бросит. Я это чувствовала как-ким-то нечеловеческим чутьем. Мне казалось, что так будет всегда. Какой же наивной дурочкой я была.

Очнувшись дома в темноте, я увидела его фигуру в лунном свете, проникающем с улицы. Дядь Валера стоял ко мне спиной и молчал, но я почему-то чувствовала, что он больше не со мной. Это потом уже я увидела ружьё и окончательно убедилась в своей догадке. Но тогда я просто ощутила возникшую между нами пропасть.

«Что происходит?» – подумала я в панике. Всё это походило на кат сцену из какой-нибудь игры про зомбаков. Так, надо подумать. Последнее, что я помню – как мне стало плохо в аудитории. Вроде бы даже галлюцинации начались. Слышала, что так иногда бывает от запрещённых веществ. Но от-

куда? Мне что, в столовке кто-то в чай бахнул «подарочек»? – Дядь, а ты чего в темноте сидишь? – осторожно спросила я.

Он вздрогнул от неожиданности. Ружьё выпало из рук и стукнуло прикладом о стол-книжку, стоящий у подоконника. Вот тогда я жутко перепугалась. Сильнее натянула накрывавшую меня простыню, как будто она, в случае чего, могла спасти от дробы. Дядька обернулся и взгляделся в моё лицо. Его собственное же в свете луны казалось совершенно замурчанным.

– Эх, Ника-Ника, – вздохнул он с горечью. – Что же ты наделала? Я же тебе говорил, выпей лекарство.

Его разочарованный тон мигом всколыхнул чувство вины внутри. Оно же в свою очередь спровоцировало желание защищаться и оправдываться, даже будучи не совсем уверенной, в чём именно меня обвиняют.

– Дядь, да всё не так, – выдерживая псевдо-спокойствие, начала я. – Мало ли кто что сказал. Я сама по своей воле ничего не пробовала. Спроси Кира, он подтвердит. И кстати, вода твоя мне никогда не помогала. Голова так и продолжала болеть, я просто тебя расстраивать не хотела, потому и не говорила ничего.

Дядька, не выпуская ружьё из рук, придвинул стул к дивану и сел напротив. В руке блеснуло что-то, что я вначале приняла за нож. Последние остатки смелости покинули меня. Я приготовилась молить о пощаде и клясться, что нико-

гда и ни при каких обстоятельствах даже в мыслях ничего странного в рот не возьму.

– Голова-то, может, и болела, но вот такой фигни не было, – дядь Валера поднёс руку к моему лицу, и я поняла, что у него там не нож, а зеркало.

Наступил краткий миг облегчения, который длился, пока я не взглянула на своё отражение. Первое, на что я обратила внимание, это глаза: звериные, янтарно-жёлтые с красными и чёрными вкраплениями. Они смотрели на меня и моргали в такт мне. Их окружала короткая густая шерсть, лоснящаяся даже в скудном свете. Я не сразу осознала, что все эти особенности украшали теперь моё лицо. И именно их имел в виду дядька, когда говорил о «такой фигне». В довершение всего голову венчали острые вытянутые уши. Ещё не собачьи, но уже и не человеческие.

Я вскочила с места и побежала к большому зеркалу на шифоньере. Оглядела себя всю в потёмках и поняла, почему дядька решил оставить свет выключенным. Моё тело изменилось – превратилось в уродливое смешение человеческих животных признаков. Лицо вытянулось, на коже то тут, то там клочьями торчала шерсть. Неподготовленное к таким выкрутасам эволюции сознание сразу стало искать возможное оправдание всему этому звездцу.

– Я что, с ума схожу, дядь? – спросила я, в отчаянии повернувшись к нему.

– Если бы, Ника, если бы, – произнес он со слезами в го-

лосе.

– Тогда что со мной такое на хрен происходит?! – завопила я.

– Ты оборотень, перевертыш, – ответил дядя Валера, и его слова звучали как приговор.

– Но как?.. – только и могла выговорить я.

Дядя некоторое время молчал, давая мне самой возможность осознать, где, когда и как произошёл тот поворотный момент, после которого я и моя жизнь изменились навсегда. То моё чудесное спасение из ледяной воды не было сном. Вот только спасителем моим был не пёс, а огромный чёрный оборотень, после укуса которого я сама стала такой. Все мои познания из полусказочных историй говорили, что ничего хорошего от этого ждать не стоит.

– Волки – зло, – подливал масла в огонь дядя. – Это из-за них погибли одиннадцать лет назад твои мама и папа.

– Но ведь волк спас меня, – возразила я, тщетно пытаюсь защитить свою детскую фантазию, что поддерживала меня всё это время.

– Даже обернувшись волком, оборотни сохраняют часть человеческого разума. Если бы он хотел спасти тебя, не стал бы кусать, а обернулся бы человеком.

Я опустила на заваленный одеждой стул у шифоньера. Свыкнуться с новой реальностью было не просто. Да как это вообще можно было назвать реальностью?! Даже моя внезапная влюблённость в преподавателя уже не казалась чем-

то пугающим. Она хотя бы не была из области фантастики.

– Но ведь раньше я не... – прошептала я еле внятно.

– Настой аконита успешно подавлял волчьи инстинкты всё это время, – опустив взгляд, сказал дядя. – Твои мигрени и тошнота – это побочный эффект.

– Но почему ты скрывал?!

До последнего не желая мириться, я продолжала искать несостыковки в этой истории.

– Сначала я испугался. Не знал, что делать и как реагировать. Но аконит помогал, и в какой-то момент я даже начал думать, что ты полностью здорова.

Дядя замолчал. Я видела, как блестели его глаза в темноте. Сама я будто одеревенела от переизбытка эмоций: от его горечи и разочарования, от моих собственных страхов и растерянности. Будущее было у меня перед глазами, а теперь я не знала, что меня ждёт. Не понимала, останусь ли такой уродливой тварью с клочьями шерсти, как сейчас, на всю жизнь или это пройдёт со временем. Много вопросов возникало в моей голове и угасало, так и не найдя ответа.

3.2

Сколько мы просидели так, час или два, я не знала. Постепенно шум автомобилей за окнами стих. Я видела, что погода изменилась. Диск луны заволокли огромные тёмные облака и из них на землю крупными хлопьями повалил снег. Звонок в дверь заставил нас обоих забеспокоиться. Дядя Валера побежал к двери проверять, а я кинулась вновь к зеркалу. На полпути услышала голос Кира. Расстроенный.

– Это хорошо, что ты её проведать пришёл, – холодно сказал ему дядя Валера. – Но к ней пока нельзя.

Я взглянула в зеркало. Из отражения на меня смотрело моё обычное человеческое лицо с размазанным макияжем. Я побежала включать свет, чтобы убедиться, что всё действительно прошло.

– Кир! погоди, я сейчас всё решу! – крикнула я из комнаты, заметив, как дядя Валера выталкивает его за дверь.

– С ума сошла?! – набросился на меня дядька, вернувшись в зал.

– Я уже в порядке, видишь? – я демонстративно обернулась вокруг своей оси.

Мне во что бы то ни стало нужно было убедить его впустить Кира. Потому что раз он пришёл так поздно, то, скорее всего, снова подрался с отчимом, и ему негде ночевать.

– А если ты вдруг опять обернёшься? – не унимался дядь-

ка. – Как ты можешь друга своего подвергать такому риску?

– Нормально всё будет! Ты же сам говорил, что волки сохраняют часть разума, – ответила я, вернув ему его же аргумент.

Дядя Валера призадумался. Пошкрябал пятернёй седую голову.

– Ладно, только сперва выпей настой, – он принёс из кухни графин со стаканом.

При одном взгляде на них меня замутило, но делать было нечего. Вылакав стакан этого адского пойла, я кинулась на лестничную клетку. Кир сидел на подоконнике, ковыряя ногтем облупившуюся краску на стене.

– Заходи давай, – махнула я ему, и он с облегчением на лице поднялся.

Под осуждающий взгляд дяди мы прошли в мою комнату. Я не задавала Киру вопросов, потому что знала, что он лучше уйдёт, чем будет рассказывать о своих проблемах в семье. Просто забрала у него рюкзак и поставила в угол к своему. Кир развалился на моей кровати, открыв читалке какую-то свою очередную книжонку. А я села за комп. Минут через десять заглянул дядька.

– Есть будете? – спросил он, убедившись, что никаких отклонений поведения от нормы не наблюдается.

Мы почти синхронно кивнули, не отрываясь от своих занятий.

– Бездельники! – проворчал дядя Валера и ушёл в сторону

кухни. В голосе его слышались нотки облегчения.

– Ну, и что с тобой? – спросил Кир, когда дядька, доев свой суп, ушёл смотреть хоккей по телевизору.

Пульс у меня забился в районе горла. Врать другу не хотелось, но как сказать правду я тоже не имела ни малейшего понятия. Я ведь сама находилась на грани между «верю» и «не верю», хотя видела и уши, и глаза звериные.

– Да хрен его знает, – фальшиво пожала я плечами. – Дядька говорит, малокровие.

– Анемия? – проговорил Кир задумчиво и кивнул сам себе. – Ну да, слышал, что у девчонок бывает такое из-за месячных. Может, у тебя и всё остальное из-за них?

– Я тебя сейчас ударю, – краснея, бросила я. Пусть мы с ним и лучшие друзья, но такие вещи обсуждать с ним было как-то стрёмно.

Кир сразу переменился в лице.

– Да нет, просто странно всё это. Мигрени эти твои, теперь ещё обморок. Тебе бы не слушать дядь Валеру, а сходить провериться.

Ещё сутки назад я бы согласилась с вдумчивым и рассудительным Киrom и, наверное, даже пошла бы тайком от дяди в поликлинику. Теперь же я просто была рада, что Кир всегда и на всё стремился найти рациональное объяснение. Я кивнула в знак согласия с его мнением и пошла разливать по кружкам кипяток из только что закипевшего чайника.

– А я деда опять во сне видел, – сказал Кир, глядя, как в

кружке, подгоняемые чайной ложечкой кружатся чайники. – Не думал, что когда-нибудь это скажу, но он достал уже. Каждый раз одно и то же: «Открой глаза, да открой глаза». Я ему говорю: «Дед, как я тебе их открою? Я же сплю. Приходи, когда я бодрствую. А он мне: «Дурак ты, Кирюша!» и по лбу кулаком стучит.

– Дядь Валера в таких случаях в церковь идёт, когда мать видит во сне, бабушку то есть, или моих родителей.

– Не-е, мой дед сроду в церковь не ходил! – Кир с усмешкой откинулся на спинку стула. – Типа ярый коммунист, а на самом деле просто язычник. У него и отец такой же. Про него даже слух ходил по деревне, где мы раньше жили, что, типа, он ведун. Прикинь?!

– Типа как Ведьмак?

– Не, это другое, – покачал головой Кир и серьёзно добавил: – Вроде как считается, что у ведьмаков есть примесь демонической крови, оттуда и сила берётся ведьмовская, потусторонняя. А ведуны просто в союзе с природой живут, чтят законы древние и традиции, поклоняются духам земли, воды и леса. А те за это открывают им тайны: как урожай растить в голодный год, как от мора животину уберечь, как детей лечить, ну и всякое такое. Никакой особой магии в этом нет, просто мудрость житейская, как я думаю.

– Ты-то откуда знаешь? – удивилась я. Кир пожал плечами, а потом отхлебнул чая из кружки.

– Читал где-то. У нас дома в деревне раньше много всего

разного было: книги, журналы, газеты какие-то. Дед никогда не выбрасывал ничего, всё аккуратно складывал, чтобы потом перечитывать. А когда помер, мать всё раздала соседям на растопку.

Кир с сожалением вздохнул. А я подумала, что была бы совсем не прочь узнать, что дед Кира на самом деле какой-нибудь колдун. Не припомню, чтобы встречалась с ним, но именно ему я обязана дружбой с Киром.

3.3

– Кир, а тебе не показалось, что ты этого препода нового уже где-то видел? – спросила я, обувая кроссы на пороге.

– Да хз. Не такой уж у нас большой город, всякое могло быть. Ты про «правило трёх рукопожатий» слышала?

– Ну, слышала, – кивнула я непонимающе.

– Так вот, при такой численности населения, как у нас, это правило трансформируется в «правило одного рукопожатия», – Кирыч сделал умное лицо.

– Погоди, – я, нахмурившись, толкнула входную дверь. – Разве одно рукопожатие – это не личное знакомство?

– Да не-е, – Кир шагнул вслед за мной за порог. – «Правило одного рукопожатия» – это когда ты знаком с кем-то через одного человека.

– Но ведь тогда два рукопожатия получается... – возражаю я.

– Так! Куда намылились? – раздался голос дяди за спиной.

– На учёбу, – бесстрастно ответил Кир, а затем перевёл взгляд на моё виноватое лицо.

– Настой пила? – спросил дядя, складывая руки на груди.

– Забыла, – ответила я, не поднимая глаз.

– Эх, ты... – он покачал головой и скрылся за дверью.

Вскоре вернулся со стаканом и небольшим термосом.

– А это зачем? – удивилась я, глядя на термос.

– За хлебом, блин! – дядя перевёл взгляд на Кира. – Так значит, следи за ней весь день. заметишь любые странности, давай пить настой из термоса. Понял?

Кир сделал серьёзное лицо и кивнул. Стало даже как-то не по себе. Дядя удовлетворённо кивнул и вернулся в квартиру. А мы с Киrom, переглянувшись, вошли в подоспевший лифт.

– Но вот интересно, – ироничным тоном произнёс он. – А что считать странностями?

Я пожалала плечами. Мне было немного не до смеха, ведь мне только что напомнили, что с моей «волчьей болезнью» проблема всё ещё не решена.

– Вот к примеру, если в столовке будут котлеты, а ты вместо них возьмёшь капустный салат. Это считается?

– Ну, смотря с чем котлеты, – произнесла я рассудительно. – Если с макаронами, тогда да. А если с пюре, то ешьте сами свой клейстер обойный.

Кир закатил глаза.

– Ну хорошо, а если, предположим, Андрей Васнецов тебя позовёт к стелле погулять, а ты откажешься, это будет странно?

Я напряглась. Даже ноги похолодели. Появилось ощущение, что Кир догадался на счёт моей симпатии к преподавателю.

– Если такое случится, то это со стороны Андрея будет странно, – выкрутилась я. – Его тогда лучше пои этой хренью. А лучше сразу санитаров вызывай. Или ФСБшников,

потому как перед тобой, скорее всего, не Андрей, а шпион иностранный.

Кир сначала осуждающе взглянул на меня и покачал головой, а потом заржал в голос. Мы шли по улице к автобусной остановке, как и множество раз до этого. Была лишь одна особенность, появившаяся после вчерашнего инцидента: в свежем морозном воздухе я начала различать запахи других волков.

Запахи эти, как тонкие невидимые нити, оплетали всё пространство вокруг. Одни, сильные и крепкие, внушали желание подчиняться, другие, тонкие и нежные, вызывали беспокойство и тревогу. Были ещё и третьи, но их казалось невозможным описать в двух словах. Они, как запах металла, просто существовали. Эти подмечания одновременно и удивляли, и пугали. Пугали, в основном, своей новизной. Я думала, а сколько ещё разных важных вещей я не знаю о мире, к которому теперь принадлежу?

Мы стояли с Кирычем на остановке. Он рассказывал что-то опять про свои сны, а я слушала, но вполуха. На самом деле я пыталась выявить среди окружающих меня людей других перевёртышей. С одним мужиком вроде бы даже получилось. Но меня тут же накрыл другой страх. А что мне, собственно, делать, когда передо мной оборотень? Сказать: «Здравствуйте. Как поживаете? А я вот тоже оборотень со вчерашнего дня». Во-первых, это тупо. А во-вторых, я не была уверена, что хочу принадлежать к общности оборотней, которых,

судя по запахам, в городе было огромное множество. Дядька говорил, что быть такой – это плохо. Разумеется, мне не хотелось, чтобы мой единственный родственник меня ненавидел. Но что мне делать, чтобы не быть такой, (кроме употребления аконитовой настойки) я не знала.

– ...Тогда он говорит мне: «Скоро всё изменится, Кирюша. Следи за луной». Я реально думаю, может в церковь сходить. Дед тогда, может, если не успокоится, так хотя бы обидится и перестанет появляться. Что думаешь? – закончил Кир и в ожидании реакции заглянул мне в лицо.

– А? – я подняла на него глаза и часто заморгала.

– Спишь, что ли, ещё? – усмехнулся он. – Говорил же тебе, что и без матраса нормально на полу. Вечно ты, как мать-героиня, последние трусы с себя отдать готова.

Я улыбнулась и замотала головой. Меня радовало, что хотя бы Кир всё ещё оставался со мной, и мы можем общаться как обычно. Хотелось бы, чтобы всё так и было, но я ощущала приближение перемен проснувшимся внутренним чутьём. Я понимала, что однажды мне придётся признаться. И в том, кто я такая на самом деле, и в том, что мне нравится Глеб. Такие вещи невозможно скрывать вечно. Только если совсем перестать общаться. Но на такие крайние меры я не была готова пойти. К тому же, я сомневалась, что Кир позволит мне вот так просто без объяснений разорвать нашу дружбу.

– Ник, ты ведь знаешь, что можешь мне доверять? – в под-

тверждение моих мыслей вдруг серьезно произнёс Кирыч.
– Спасибо, – ответила я с благодарностью улыбнувшись.
Он кивнул, и мы сели в подъехавший автобус.

Часть 4 «Злая шутка провидения»

4.1

Глеб

Одиннадцать лет назад я совершил ошибку – спас дочку охотников. Они убили моего отца, покалечили Алису и пытались выследить нас с мамой. Самоуверенные ублюдки потащили с собой на охоту ребёнка.

Но сама природа против того, чтобы такие выживали. Тогда пошёл мокрый снег с дождём, который при низкой температуре сразу стал ледяной коркой на дорожном покрытии. Их автомобиль занесло на мосту. Он протаранил ограждение и упал в реку. Я помню, как стоял и смотрел на него с берега. Внутри не было ничего, кроме отчаяния и злости. Но вдруг я увидел в воде кричащую и захлёбывающуюся девочку. Совсем мелкую, возраста Алисы. Я не мог просто смотреть, как она идёт ко дну.

Надо ли говорить, что мать была, мягко говоря, не в восторге от моего героического поступка. Она желала смерти всем, кто имел хоть какое-то отношение к тем, кто разрушил жизнь нашей семьи.

– Она повзрослеет и станет такой же, как убийцы твоего отца, – говорила она. И если честно, я думал также и сожалел о своём поступке.

В день, когда я впервые увидел Нику, она напомнила мне ту спасённую девочку. Но я отмёл эту мысль, поскольку она показалась мне слишком невероятной. Чтобы дочь охотников оказалась оборотнем?.. Немыслимо.

– Кто дал тебе эту отраву? – прорычал я, глядя на здоровяка.

– Дядь Валера, – испуганно ответил тот. – Сказал, это лекарство.

Вокруг нас начала собираться толпа. Я слышал как кто-то за спиной спрашивал, как с мобильного позвонить в экстренные службы. Но всё это не имело никакого значения.

– Какой дядь Валера?! – спросил я полушёпотом, хотя уже знал ответ. Мой разум просто отказывался принимать его.

– Дядь Валера Никифоров, опекун Ники. А что такое?

Я ещё раз взглянул в лицо Ники и обречённо вздохнул. Валерия Никифорова знали все в сообществе охотников. Его именем родители-оборотни пугали своих детей. В молодости он вместе с мужем своей сестры, Андреем Климовым, лишил жизни многих моих ни в чём не повинных сородичей. Я слышал, что после несчастного случая с сестрой, Валерий отошёл от дел – нужно было позаботиться о племяннице. Но, по-видимому, он просто решил не привлекать к себе больше внимания. Так скрывать истинную сущность дочери Климовых было проще.

Я сглотнул сухой ком в горле и попытался собраться. Родство Ники с охотниками не отменяло того, что она оборо-

тень. Более того, оно не отменяло и того, что меня тянуло к ней, как магнитом. Я приложил ладонь к влажному лбу. Она задышала активнее, а после и вовсе открыла глаза.

– Глеб? – произнесла растерянно. И добавила, заметив собравшихся вокруг нас студентов. – Власович...

– Как ты? – спросил я, невольно улыбнувшись. Внутри меня шла борьба. Я буквально разрывался между долгом перед семьёй и общиной и своими собственными неясными чувствами. Но показать ей свои сомнения я не мог. Не в тот момент, когда она смотрела на меня таким наивным беспомощным взглядом.

– Я нормально, – ответила Ника и потянулась к термосу, что держал её друг. – Кир, дай, пожалуйста.

Здоровяк покачал головой. Ника вопросительно приподняла брови.

– Так, ребят, давайте-ка отойдём и поговорим, – предложил я, протягивая Нике руку. Та несмело оперлась на неё и поднялась на ноги.

Её всё ещё немного покачивало из стороны в сторону.

– Э, Кирилл, кажется? – обратился я неуверенно к здоровяку и протянул ему полтинник. – Купи, пожалуйста, воды. Мы будем за углом в коридоре.

Парень растерянно кивнул и пошёл к кассе буфета. А я перевёл взгляд на Нику. Отпускать её руку не хотелось, но держать её и дальше было совершенно непозволительно. Она первая это поняла и спрятала руки в карманы. Мы побрели

по коридору к свободной скамейке.

– Извините, – опустил глаза, сказала она. – У меня мало-кровие, так что вот...

– Не пей больше эту дрянь, – покачав головой, ответил я. – Аконит – яд для волков. И твой дядя должен бы знать об этом.

Ника бросила на меня испуганный взгляд, а затем огляделась по сторонам. Убедившись, что никто, кроме неё, не слышал моего предупреждения, она чуть наклонилась в мою сторону.

– Вы тоже обо...ротень?

Это было даже немного забавно – то, как она споткнулась на полуслове. Но я сдержал подступивший смешок, чтобы не смущать её ещё больше, и просто кивнул. Ника отчего-то только больше залилась краской и занервничала. Я услышал её учащённый пульс и забеспокоился, что она может вновь невольно начать трансформироваться.

– Дядя говорит, что оборотни – это зло, – шумно вздохнув, сказала она. – Но мне не хочется верить в это. Я думаю, в детстве оборотень спас меня. И я очень благодарна ему за это.

Ника осторожно глянула на меня исподлобья, и от этого взгляда сердце в груди сделало кульбит. Я медленно выдохнул. Вот ведь... И что она творит?

– Я часто видела этого волка во сне после. И думала, что он мой единственный друг.

Мне стало приятно от её слов. Но вместе с тем я подумал, что ничего удивительного в них нет. Никифоров хотел скрыть волчью сущность девушки, а потому изолировал её от сверстников из охотничьих семей, с которыми та хоть как-то могла подружиться. Должно быть, у неё было очень одинокое детство.

– Если тебе дома угрожает опасность, я мог бы найти тебе убежище, – предложил я.

– Убежище? – удивилась Ника. – Вы о чём? Дядь Валера заботится обо мне. Он мой единственный родственник.

«Хороша забота – поить оборотня аконитом», – горько усмехнулся я про себя, а вслух спросил:

– А где ты обычно проводишь полнолуние?

– Полнолуние? – повторила она задумчиво, и на её лице мелькнула паника. – Нигде... А что, в полнолуние должно случиться что-то особенное?

– Когда наступает полная луна волчьи инстинкты обостряются. Как ты можешь этого не знать?

– Я в тот день впервые обратилась, – призналась она. – Что же теперь делать?

Ника навалилась спиной на стену и подняла мучительный взгляд к потолку.

– Во-первых, перестать пить настой аконита, – строго произнёс я. – Во-вторых, найти место, где будешь встречать полную луну. Лучше всего подходит лес, благо у нас их в достатке. Только место нужно выбирать такое, куда охотники

побоятся сунуться.

– Охотники... – глаза Ники стали совсем круглыми и напуганными.

– Да, Ника, такие как твой дядька, – ответил я немного грубовато, чтобы смысл сказанного точно впечатался в её разум.

Подошёл Кирилл с бутылкой воды и настороженно оглядел нас.

– Продиктуй мне свой номер, я отправлю тебе дозвон, – поднимаясь со скамьи, сказал я.

Ника в ответ назвала кое-как заветные одиннадцать цифр. Я набрал и нажал кнопку вызова.

– Это мой, – кивнул я на загоревшийся экран её смартфона. – Запиши и позвони, если будут проблемы. А сейчас промой желудок и дрянь эту больше в рот не бери. Поняла?

Ника, отчего-то снова покраснев, кивнула.

Я знал, что мои сородичи никогда не поймут меня. Понимал, что предаю Алису и память отца. Вся рефлексия накачивала на меня уже после встреч с Никой. А когда я смотрел на неё, пусть просто издалека в аудитории, не мог не испытывать чувство какого-то благоговения и нежности. Она была интересной. Так забавно морщила лоб, когда сомневалась. А из-за привычки подпирать голову кулаком, сидя за партой, её чёлка всегда немного стояла торчком. И когда она улыбалась, то по неопытности выставляла клычки поверх нижней губы. Все эти её особенности были очень милыми.

Возможно, мне следовало бы задуматься, отчего я пялюсь на неё при каждой удобной возможности. Зачем приехал в колледж, хотя у меня не было занятий. Это все слегка отдавало сталкерством. Но самому себе я этот момент объяснял своим характером, неотъемлемой частью которого была необходимость о ком-либо заботиться. До недавнего времени объектом моей заботы была Алиса. Но чем старше она становилась, тем сильнее крепло её стремление к сепарации, даже несмотря на то, что здоровье всё ещё оставляло желать лучшего. А Ника, хоть и была того же возраста, что и Алиса, с точки зрения жизни оборотня была будто слепой несмышленный щенок.

4.2

– Ну так что, ты решила, где будешь в полнолуние? – спросил я её в перерыве перед новой лекцией. Ника замялась.

– Думаю, я должна обсудить это с дядей, – ответила смущенно.

При упоминании Никифорова у меня сработал триггер. Я не понимал, как вообще можно о чём-то разговаривать с этим человеком. Да его и человеком то назвать – язык не поворачивался. Злой и жестокий... Я стиснул зубы, чтобы не разразиться бранью. Нужно было успокоиться. Ведь сама Ника ни в чём не виновата, она не выбирала в какой семье родиться. Но выбор ей однажды сделать придётся, хочет она этого или нет. И что-то мне подсказывало, что единственный верный выбор для неё – уйти из дома. Чтобы сдержат трансформации, Никифоров готов был в течение одиннадцати лет травить её аконитом, я не удивлюсь, если теперь в полнолуние он посадит её под замок, чтобы изолировать от людей.

– Послушай, Ник, – выдохнув сказал я. – Ты ведь не на студенческую попойку собираешься. Дело-то серьёзное.

– Я знаю, – кивнула она, не поднимая глаз. – Но слово дядьки – закон. Он мне как отец.

При упоминании отца Ники, пусть и в довольно абстрактной форме, я опять стиснул зубы. Видимо, моё озлобленное выражение говорило само за себя.

– Не злитесь, пожалуйста, Глеб Власович, – произнесла она, чуть не плача. – Я просто пытаюсь сделать, как лучше.

– В том-то и дело, Ник, что лучше для него и лучше для тебя – это абсолютно разные вещи. Охотники считают нас монстрами, а мы всего лишь хотим свободы для нашей второй сущности. Мы не опасны для людей.

Ника тяжело вздохнула. Было видно по лицу, что она хочет мне поверить, но авторитет дяди, утверждавшего обратное, был слишком велик.

– Но охотники ведь не на пустом месте объявили вас... то есть нас, монстрами, – осторожно заметила она.

– Это долгая история, – я, поморщившись, потёр висок.

– А я до начала лекции никуда не спешу, – пожалала плечами Ника и присела на край моего стола.

Невольно я уставился на её бедро в светло-голубых джинсах, оказавшееся в невероятной близости от моей руки. Мне вновь вспомнились замечания Алисы по поводу импринтинга. Я замотал головой, отгоняя навязчивые мысли. Мне положено соблюдать приличия, в конце концов, я ведь преподаватель. Вздохнув, я откинулся на спинку стула.

– Знаешь, как говорят: в любой семье не без уродца, – начал я, сложив руки на груди. – И среди оборотней был такой. Полвека тому назад. Макар Агеев его звали. Вот он был настоящим уродом и монстром, во всех смыслах. Благодаря хитрости и силе он занял высокое положение в стае и начал творить то, что ни один уважающий себя волк никогда не

позволил бы. Унижал и избивал сородичей мужчин, насилывал женщин. Но, разумеется, самым страшным его преступлением стало убийство человека.

Ника, насупившись, слушала мой рассказ. С каждой новой деталью она всё больше вжимала голову в плечи и пыталась засунуть руки поглубже в карманы.

– Никто точно не знает, как именно это случилось. Однажды наутро после полной луны на краю леса нашли растерзанное тело егеря. И возможно, люди бы просто решили, что это несчастный случай. Но Макар, работавший тогда, как и некоторые другие оборотни, на заводе, обмолвился своим коллегам, что это его рук дело, при этом всячески оправдывая себя, мол, такова наша звериная природа.

На этих словах лицо Ники стало болезненно бледным. Я мог только предполагать, но вероятнее всего, тут тоже не обошлось без негативных установок её дяди, с которыми резонировал мой рассказ.

– Были волки, осудившие и его преступление, и то, как он позиционировал себя, но большинство просто боязливо отмолчалось. И в этом была их фатальная ошибка. Спустя месяц пропала группа студентов университета, отправившаяся в турпоход. Вместе со студентами пропала и преподаватель Татьяна Климова.

– Кажется, эту часть истории я слышала, – задумчиво проговорила Ника. – Это моя бабушка. У дядьки дома есть старые советские фотоальбомы. Когда я была маленькой, он по-

казывал мне их и рассказывал, кто есть кто. Говорил, что бабушка пропала без вести в тайге.

– На самом деле её нашли, но не сразу. Сначала, лишь рукав ветровки одного из её студентов. Этого оказалось достаточно, чтобы объявить охоту на Макара, который как раз тоже куда-то пропал. Просто перестал приходить на работу.

«Поисковую экспедицию» возглавил муж Татьяны, Егор. Он работал вместе с Макаром на заводе, был мастером соседнего цеха. Говорят, он был крайне нелюдимым, но очень наблюдательным. Он смог понять, что обычной дробью Макара не возьмёшь, ведь у оборотней отличная регенерация. Материалом для пули, поразившей его стал серебряный натальный крест, что мать Егора, как говорят, смогла сберечь от чекистов.

– Офигеть, конечно, история, – произнесла Ника, потеряв лоб. – Только как-то странно, что вы мне рассказываете её, хотя она касается моей семьи.

Я вздохнул и снисходительно улыбнулся.

– Эту историю знают все оборотни от мала до велика. И рассказывают её как раз-таки, чтобы другие не повторяли той мерзости, что творил Макар. Агеев был чудовищем, не из-за ликантропии. Он был болен, как любой психопат. Среди людей тоже такие встречаются иногда. Имена некоторых вошли в историю и стали нарицательными. Но Егор Климов почему-то решил, что раз один оборотень оказался монстром, то и все остальные представляют угрозу. Так на нас

и началась охота.

Я глянул в круглые блестящие глазёнки Ники. Она озадаченно смотрела в пол. Я прекрасно понимал, что она чувствует. Когда-то в детстве мне с помощью этой же истории объясняли, почему охотников нужно бояться. Я хотел, было, ещё добавить, что в конечном счёте Татьяна вернулась домой живая и относительно здоровая. У них с Егором даже вскоре появился ребёнок, который позже стал самым жестоким охотником в истории. Но прозвенел звонок. Ника вернулась на своё место в конце аудитории. Мы снова стали просто преподавателем и студенткой. От осознания этого во рту появился привкус горечи.

4.3

– У меня к тебе серьёзный разговор, – загадочным тоном произнесла мама. Я предчувствовал, что это опять ничем хорошим не закончится, а потому попытался слиться.

– Не могу говорить, мам. Я за рулём.

– Ну так остановись, – произнесла она таким тоном, как будто это было совершенно очевидно. – И вообще у любого нормального человека на такой случай гарнитура имеется.

Я едва не бросил телефон в окно. И как ей удаётся каждый раз всего за двадцать секунд доводить меня до белого каления? И это ведь она ещё даже не перешла к делу. По уму мне надо было бросить трубку. Но в этом случае при следующем её звонке мне пришлось бы ещё выслушивать, что я неуравновешенный псих и вообще неблагодарный сын, что она меня двенадцать часов рожала в муках, а потом в детстве четыре раза ценой жизни спасала от охотников. Последнее, к слову, ставило очередной вопрос о её материнских способностях. Это как надо было следить за ребёнком, что он аж четыре раза попадался охотникам на глаза? Но вопрос этот, как и многие другие, касающиеся её, носил скорее риторический характер.

– Ну что ещё? – припарковавшись у обочины, смиренно спросил я.

– Герман Саньч Алексеев очень благодарен тебе, – дело-

вито ответила она. – Передаёт привет. И готов тебя познакомиться со своей дочкой. Я кстати уже общалась с ней. Самая прелестная из всех омег, что я встречала в своей жизни!

У меня на секунду перехватило дыхание. Точно под дых ударили. Я с силой сжал трубку. Как же порой я хотел бы узнать, что я приёмный. Это бы хотя бы объяснило, почему эта женщина ведёт себя так. Но к сожалению я иногда замечал и в себе черты, которые так не любил в ней.

– Мам, я не хочу ни с кем знакомиться, – изо всех сил сдерживая эмоции, произнёс я.

– Не придумывай! Где ты ещё найдёшь такую? – возмутилась она. – Красивая, здоровая и из хорошей семьи. Пользуйся шансом, пока дают. Ты ведь не олигарх какой-нибудь, а незаурядный тридцатилетний препод с зарплатой в двадцать пять тыщ. Или ты думаешь, что к тебе из девок очередь выстроится?

– Ничего я не думаю, – ответил я раздражённо. – И как я тебе и говорил, с личной жизнью у меня всё в порядке.

Мать ненадолго замолчала задумавшись.

– И почему мне кажется, что ты мне врёшь, только чтобы не делать, как я говорю? – с сомнением произнесла она.

– У вас что, паранойя, Яна Сергеевна? – ироничным тоном ответил я ей. – Вы, может, не в курсе, но мир вокруг вас не вращается.

– Как бы там ни было, а на встречу прийти тебе придётся, – игнорируя колкость, сказала мама. – Я уже им пообещала.

щала.

– Хорошо, но не жди, что породнишься со своим Алексеевым через меня, – бросил я и завершил звонок.

Вот так всегда было с ней. Стоит уступить в чём-то одном, и вслед за этим она на тебя вываливает ещё кучу всякого. Я тяжело вздохнул. От мысли, что меня могут свести с кем-то стало тошно. В целом, это конечно обычная практика для оборотней, исключая случаи импринтинга. Но истинные пары – это такая же редкость, как среди людей пары, что живут душа в душу с молодости и до старости. И чаще всего истинные пары всё-таки встречаются между альфами и омегами обного возраста. Ещё один аргумент в защиту того, что Ника не моя истинная. Но... то, что это случается часто, не значит, что так случается всегда.

Я посмотрел на экран своего смартфона и не поверил глазам. Ника прислала сообщение. Всего одна фраза, один вопрос, а пульс так в ушах начал отдаваться, что в пору было записываться к кардиологу.

«Вы сейчас не заняты?»

Я завис на секунду, думая написать в ответ или перезвонить.

«Молодёжь сейчас не любит телефонные звонки», – подумал я и написал, что не занят.

«Можно я вам наберу?» – спросила Ника, и я отчего-то живо представил себе, какой беспокойной она выглядит в этот момент, как бледнеет лицо и подрагивают пальцы. Нут-

ро моё наполнилось чувством очарования и благодарности за её смелость. Я улыбнулся и нажал кнопку вызова.

Она ответила мгновенно, но следом за этим из динамика послышался какой-то треск.

– С тобой всё нормально? – обеспокоенно поинтересовался я, когда всё стихло.

– А? Да, – взволнованно ответил Ника. – Я просто телефон выронила.

– Ну ты... – я еле подавил смешок. От осознания, что она в порядке, от звука её голоса приятное тепло разлилось по телу. Я непроизвольно прикрыл глаза и улыбнулся.

– Извините, – пробормотал она как-то расстроено.

– Да всё хорошо, Ник, – поспешил успокоить её я. – Ты чего хотела-то?

– А, точно. Хотела спросить, как проявляется у волков отравление аконитом?

У меня в один момент внутренности скрутило узлом от страха. Я плотнее прижал телефон к уху, как будто это бы позволило мне быть ближе к Нике. Я ловил её тревожные вздохи в ожидании моего ответа. Пытался по ним оценить его состояние.

– Ник, ты разве не перестала его пить? – спросил я, пытаюсь выдержать спокойный тон.

– Да я перестала, честно, – ответила она. – Просто...

– Что «просто»?

Я завёл автомобиль, готовый в любую минуту сорваться к

нему. Если Никифоров заставляет её принимать эту отраву силой, я должен вмешаться. И плевать, чего это будет мне стоить.

– Просто дядька ведь тоже не дурак, – сказала Ника, нервно сглотнув. – Если я не буду хотя бы притворяться, он быстро всё поймёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.